



Акад. А. И. Тюменев

## ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЕРСОНАЛ ХРАМА БАУ В ЛАГАШЕ ВРЕМЕНИ УРУКАГИНЫ

Документы хозяйственной отчетности храма Бау в Лагаше, относящиеся приблизительно к середине III тысячелетия до н. э., для исследования хозяйственной системы древнего Шумера имеют исключительное значение. Буржуазную концепцию господства феодальных отношений на древнем Востоке, легшую в основу насковзь реакционной теории циклического развития, можно признать окончательно опровергнутой советской наукой. Работы академика В. В. Струве и других советских историков доказали рабовладельческий характер общественного строя древнего Востока. Но рабовладельческий строй древнего Востока имел своеобразные черты. Для раннего периода древневосточных обществ характерно не только централизованное руководство ирригационными и крупными строительными работами, но и существование больших храмовых и патесиальных или царских хозяйств. «Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного лица, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства—отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа—бога» (К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 11). Этот коллективный труд превращается во все более тяжелую форму эксплуатации трудящихся, приближающуюся к настоящему рабству. Для определения состава и положения персонала патесиальных и храмовых хозяйств документы архива Бау и содержат как раз богатейший материал.

В Лагаше времени Лугальанды и Урукагины (конец XXV и первая половина XXIV ст. до н. э.) в центре хозяйственной системы стояло хозяйство двора патеси и членов его семьи, обслуживаемое обширным административным и рабочим персоналом, рядом с которым существовали хозяйства храмов. О том, в какой мере такая хозяйственная централизация охватывала территорию и население страны, прямых указаний в наших источниках не встречается, однако, на основании некоторых данных, можно полагать, что в патесиальное и храмовые хозяйства была втянута значительная, быть может, и большая часть населения области Лагаша. Наиболее обширным было хозяйство патеси (царя), затем хозяйства жены и детей патеси. Хозяйства отдельных храмов также располагали каждое собственным хозяйственно-административным и рабочим персоналом. Связующим звеном между всеми этими отдельными хозяйственными коллективами служило не только верховное руководство со стороны централь-

ной власти патеси (царя), но также и выполнение ряда работ, имевших общегосударственное значение, прежде всего ирригационных, также строительных.

Для суждения о хозяйственном строе и об эксплуатации рабочей силы в эту эпоху мы располагаем только данными архива одного из названных хозяйственных коллективов, именно хозяйства жен патеси Энетарси и Лугальанды и «царя» Урукагины<sup>1</sup>. То обстоятельство, что при Урукагине хозяйство царской супруги Шаг-Шаг поставлено было в связь с храмом богини Бау, равно как хозяйство самого Урукагины—с храмом главного божества покровителя города Нингирсу<sup>2</sup>, мало меняет дело, так как возглавлялись эти хозяйства самим патеси (царем) и его женой в лице их управляющих—нубанд.

Не только вся территория, эксплуатировавшаяся в хозяйстве жены патеси (царя), но и все люди, составлявшие непосредственный служебный и рабочий персонал этого хозяйства, рассматривались как прямая и безусловная собственность, как принадлежность (*ú-gum*) жены правителя (герр. богини Бау). В документах времени Энетарси и Лугальанды люди, занятые в хозяйстве их жен Лугунутур и Барнамтарры, обозначались как непосредственно им принадлежавшие; при Урукагине эта формула пополнена была упоминанием богини Бау и писалась так: «Люди, принадлежащие богине Бау, Шаг-Шаг, супруге Урукагины царя Ширпурлы (Лагаша)»<sup>3</sup>.

Содержание архива Бау свидетельствует о развитии к этому времени самой тщательной и детальной хозяйственной отчетности. Документы архива касаются прежде всего, с одной стороны, регистрации и описания полей и угодий и переписи и учета рабочей силы; с другой же стороны, учета всех поступлений и выдач, в частности, выдачи натурального довольствия персоналу патесиального (храмового) хозяйства. Именно документы

<sup>1</sup> Документы этого архива, рассеянные по различным музеям мира, публиковались в ряде изданий и тем не менее издана лишь незначительная их часть, см. F. Thureau-Dangin, *Recueil des tablettes chaldéennes*, Paris, 1903; М. В. Никольский, *Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи*, I, СПб, 1908 (*Древности восточные*, III, 2); Allotte de la Fuye, *Documents présargoniques*, fascicules 1—5, Paris, 1908—1920; H. Genouillac, *Tablettes sumériennes archaïques*, Paris, 1909; M. J. Hussey, *Sumerian Tablets in the Harvard Semitic Museum*, I, Cambridge (Leipzig), 1912; W. Förtsch, *Altbabylonische Wirtschaftstexte aus der Zeit Lugalandas und Urukaginas*, Leipzig, 1916; 2-я часть того же издания в транскрипции помещена Деймелем в «*Orientalia*» (последнего издания не было в моем распоряжении). Хозяйственная жизнь Лагаша на основании документов архива Бау была обстоятельно исследована Деймелем в ряде статей, помещавшихся в «*Orientalia*» за 1920 и следующие годы; к сожалению, это издание не имеется в ленинградских библиотеках, и потому я мог пользоваться лишь сводной, подводившей итоги предшествовавшим исследованиям работой Деймеля, *Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger, Abschluss der Einzelstudien und Zusammenfassung d. Hauptresultate*, Roma, 1931 («*Analecta Orientalia*», II).

<sup>2</sup> См. Конус В-С Урукагины, столбец IX, строка 7 сл.; Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, Leipzig, 1907 («*Vorderasiatische Bibliothek*», I, стр. 50).

<sup>3</sup> Такая терминология применяется не только в списках рабынь (гим) и в списках «шинуду...», охватывавших более тесный персонал хозяйства Бау, но одинаково также и по отношению *šublugal* и *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba*, под которыми, несомненно, имеются в виду более широкие круги населения, см., например, STH, № 7; М. В. Никольский, № 3; DP, № 120 и др. То же обозначение *ú-gum d. Ba-u* употребляется и в общих списках, охватывавших людей различных категорий от гим до *šublugal*, например, в документе о выдаче шерсти, см. DP, № 171, оборот, столбец X, строка 2. В 6-й год правления Урукагины, при новом управляющем Эншугиги эта формула сменяется новой — *é dingir Ba-u*, т. е. дом (хозяйство) богини Бау Шаг-Шаг и т. д., притом одинаково как в отношении рабынь—гим, так и в отношении списков *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba*, см. STH, №№ 3, 24; DP № 121.

последнего рода, как содержащие данные о рабочей силе патесиальных хозяйств, представляют для нас особый интерес.

Поскольку люди, занятые в хозяйстве Бау, составляли «собственность» богини (царицы), этой «собственности» велся, как и другим видам собственности, самый тщательный учет. В архивах храма Бау сохранилось немало списков рабочего персонала храма. Одни из этих списков охватывали более широкие круги зависимого от храма Бау населения. Такие списки составлялись, например, в целях военного призыва<sup>1</sup>, так же как и в целях учета рабочей силы<sup>2</sup>. Рядом с такими общими списками имеются и меньшие списки более частного характера, преследовавшие какую-либо специальную хозяйственную цель<sup>3</sup>, наконец, списки, включающие людей различных профессий и положений и составленные по неизвестным поводам<sup>4</sup>. Встречаются даже и документы чисто демографического характера, отмечающие передвижение, прирост и убыль населения<sup>5</sup>.

Все эти записи, несмотря на интерес, который они представляют для характеристики системы учета рабочей силы в Лагаше, носят все же более или менее случайный характер, и потому содержат слишком мало данных для суждения о рабочей силе, эксплуатировавшейся в патесиальных хозяйствах этой эпохи. Более полное представление относительно персонала патесиального и храмовых хозяйств дают документы, содержащие запись выдач довольствия, производившихся ежемесячно, иногда также в праздничные дни. Поскольку документы этого рода охватывают различные группы хозяйственного персонала храма Бау, поскольку они в то же время составлялись периодически из месяца в месяц и сохранились за целый ряд лет, начиная с правления патеси Энтарси и кончая последним годом правления Урукагины, они содержат в себе не только более полные, но и, как можно полагать, исчерпывающие данные по интересующему нас вопросу о рабочей силе, занятой в хозяйстве храма Бау. На основании этих данных мы можем судить не только о составе персонала хозяйства Бау, но и о происходивших в нем изменениях. Составленные по одному и тому же типу и повторявшиеся, как сказано, из месяца в месяц и из года в год, документы эти заключают в себе частью поименные, частью групповые (с указанием имен лиц, возглавлявших каждую данную группу) записи людей, получавших довольствие. Выдачи довольствия производились по отдельным определенным группам храмового персонала, на каждую из которых и составлялись специальные документы. Группы,

<sup>1</sup> М. В. Никольский, № 3; DP, №№ 135, 136.

<sup>2</sup> М. В. Никольский, № 4.

<sup>3</sup> Таковы списки рыбаков, моряков, судостроителей (см. Никольский, №№ 12, 366; STN, 28, 29; TSA, №№ 19, 47), списки nu-sig («сирот»? м. и ж. пола; Никольский, № 15), списки храмовых и дворцовых служащих (lù igi-lagab; DP, №№ 132, 133), списки «носильщиков» (il; там же, № 505), списки игинуду, принадлежавших дочерям Урукагины (там же, № 339), записи числа людей, занятых на огородах (там же, №№ 375, 394, 395, 398, 402 сл.; Никольский, №№ 46, сл.; TSA, № 40), список людей назначенных на полевые работы (DP, № 602).

<sup>4</sup> Никольский, №№ 5, 11; DP, №№ 140, 141, 334 сл.

<sup>5</sup> Таковы, например, запись семи человек, поселившихся в одной из частей города Лагаша—Нина-ки (Никольский, № 10), поименные списки с указанием людей, находящихся в наличности и умерших (Никольский, № 14); из 39 названных лиц 8 значатся умершими (ср. DP, № 602: список работников на поле, также с указанием умерших), специальные списки умерших с указанием имен надзирателей, от которых они находились в зависимости (Никольский, № 7), аналогичные списки умерших с указанием числа умерших без наследников и оставивших после себя сыновей или иных заместителей (DP, № 136). Наконец, к этому же типу документов относится также документ, содержащий перепись членов нескольких семей, причем в списке людей, принадлежащих Бау, отнесены одинаково и взрослые члены семей (в том числе не только отцы семейства, но и их жены и вдовы), и малолетние члены семьи, и принадлежавшие этим семьям рабы и рабыни (Никольский, № 19).

по которым производились выдачи довольствия, в соответствующих документах обозначались как 1) gim dumu («рабыни и [их] дети»), 2) igi-nu-du (il)šag-dub-aš-aš («игинуду, носильщики, люди, получающие по отдельным табличкам»), 3) lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>6</sub>-ba («люди, получающие кормление»)<sup>1</sup>.

Ближайшее рассмотрение содержания всех этих документов даст нам возможность определить положение различных групп рабочего персонала храма Бау. Начнем с документов типа gim dumu, содержание которых не внушает никаких сомнений. Значение термина gim ясно: он может означать только «рабыня», чему соответствует и его идеографическое написание, состоящее из двух идеограмм: «женщины» и «горной (восточной) страны». Помимо собственно рабынь, в эти списки попадали лишь единичные мужчины. Это были либо лица, возглавлявшие отдельные партии рабынь, например, пивовары, свиноводы, либо люди, обозначавшиеся не вполне ясным термином nu-sig («сирота»). Женщины списков gim dumu—это никоим образом не рабыни гарема<sup>2</sup>. Женщины этих списков выполняли различные хозяйственные функции при дворе царицы. В большинстве они были заняты обработкой и пряжей шерсти, затем помолом зерна, работали на пивоварне, на кухне, на них возложен был, наконец, уход за свиньями и другим мелким содержащимся при дворе скотом<sup>3</sup>.

Много труднее определить состав персонала, получавшего довольствие по спискам второго рода. Начать с того, что эти списки, в отличие от списков рабынь, отличались сложностью своего состава. Здесь мы имеем дело не с однородной группой людей, но с тремя группами, выделяемыми и в итоговых строках самих документов. Это—«игинуду», «носильщики» и «люди, получающие по отдельным табличкам». Необходимо, поэтому, рассматривать все эти три группы отдельно. Это тем более необходимо, что самые термины, употребляемые для обозначения этих групп, не содержат в себе никаких прямых указаний относительно их социального положения и роли в хозяйстве. Термин igi-nu-du обозначает собственно «не поднимающий глаз» (его переводят также как «слепой»), термин il—«носильщик» имеет в виду, вероятно, людей неквалифицированного труда. Термин šag-dub-aš-aš относится к людям, которые, в отличие от игинуду, представляемых возглавляющими их лицами, получают довольствие индивидуально и перечисляются в документе поименно.

В «игинуду» большинство исследователей, исходя прежде всего из указанного значения самого термина, склонны видеть рабов<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Встречаются еще списки lú TUR-TUR-la-ne- («люди детей [патеси]»). Списки эти, однако, не представляют перечень особой группы в хозяйстве Бау и не обозначаются как «собственность» богини. Это не дополнительные, а параллельные списки, включавшие полностью весь персонал, обслуживавший хозяйство детей царя (патеси). О том, что документы трех названных в тексте типов охватывают весь персонал хозяйства храма Бау, свидетельствуют и краткие итоговые записи всего выданного за месяц на содержание людей и на корм скота верна, в которых значатся только количества зерна, выданного по названным спискам, а также на корм быкам и овцам, см. TSA, № 22; DP, № 154; STH, №№ 3—4. В записи правдивных выдач верна и хлеба, равно как при выдаче шерсти, в которых не проводилось разделение на группы, нередко включался весь храмовый персонал от хозяйственной администрации до рабынь и игинуду. Люди, которым производятся эти выдачи, в соответствующих документах или не называются никак, или же обозначаются по получаемому продукту: lú ninda-ba, lú sig-ba, lú tug-ba, lú nindu-tug-ba («люди, получающие хлеб, шерсть, одежду, хлеб и одежду»).

<sup>2</sup> Не говоря уже о том, что женщины этих списков составляли часть персонала не царя, а царицы, самое существование гарема в Лагаше, как и в других городах Двуречья, в эту эпоху не засвидетельствовано.

<sup>3</sup> Относительно роли в хозяйстве женщин-рабынь ср. В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока. Рабство в древнейшем Сумпире (Известия ГАИМК, вып. 97, М.-Л., 1934, стр. 23—24).

<sup>4</sup> A l l o t t e de la Fuye (RA, XVI, 1934, стр. 7 сл.) видит в игинуду всенопленных, работающих с завязанными глазами (?—А. Т.), и сопоставляет их с животными, дви-

Вопрос, однако, не решается так просто. Игинуду в документах всегда фигурируют наряду с садовыми работниками—«дуатар» и вместе с этими последними образуют партии, подчиненные садовникам—«нусар». Они работают исключительно на садовых плантациях, не участвуя в то же время ни в каких других общественных работах<sup>1</sup>. Имеется несколько документов, в которых игинуду являются объектом купли-продажи, причем в качестве покупателей во всех известных случаях выступают жены патеси<sup>2</sup> или их садовники<sup>3</sup>, из чего также можно сделать заключение, что приобретались эти игинуду для работы на садовых плантациях патесиального хозяйства. Все это показывает, что термин «игинуду» применялся не столько для обозначения социального положения, сколько для определения профессии, что относился он не к рабам в собственном смысле, но прежде всего именно к садовым работникам<sup>4</sup>. Характерно, что и в документе о покупке игинуду названы именно люди, приобретаемые садовниками, тогда как человек, приобретаемый одновременно по тому же документу пастухом, обозначен просто как человек-мужчина (nitah).

Основную функцию игинуду, повидимому, составляла подача воды из каналов и колодцев для орошения садовых плантаций<sup>5</sup>. В пользу этого говорит и отмечаемый в известной надписи конуса Урукагины факт появления (в предшествовавшее его реформе время) игинуду близ колодца, сооружаемого на своем поле шублугалем<sup>6</sup>. Обобщать этот факт и приписывать всем игинуду только выполнение этой функции было бы, однако,

гающими колесо пригадионной машины. Рабами игинуду признает также А. Шнейдер («Die sumerische Tempelstadt», стр. 35). Хотя Деймель и переводит термин «игинуду» как Blinder, Gartenarbeiter и точнее как Wasserträger (SL, 449, 59; ср. о н же, Die Sumerische Tempelstadt, стр. 21), но он же называет игинуду рабами (там же, стр. 37). Более обстоятельно на вопросе об игинуду Деймель останавливается в «Orientalia», 34—35, стр. 4 сл., в статье, которая, к сожалению, как уже было отмечено выше, осталась для меня недоступной. Как рабов определял игинуду акад. Струве («Проблема зарождения развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока», Известия ГАИМК, выпуск 77, М.—Л., 1934 г. стр. 38 и примечание 23), расширительно толкуя и весь список, возглавляемый партиями игинуду, как список рабского персонала, принадлежавшего храму Бау. Н. М. Никольский, определяющий функцию игинуду как «подавальщиков воды», также склонен видеть в них рабов («Рабство в древнем Двуречье», ВДИ, 1941, № 1, стр. 51). Совершенно оригинальную позицию в этом вопросе занимает Женульяк, отождествляющий игинуду с евнухами на том единственном основании, что они иногда противопоставляются мужским рабам (см. «Inventaire des tablettes de Tellah», предисловие, стр. 21).

<sup>1</sup> TSA, № 25. Несмотря на обилие документов, касающихся распределения общественных землекопных и других работ (см. TSA, №№ 23—24; DP, №№ 622—658), мы ни разу не встречаем занятых на этих работах партий игинуду.

<sup>2</sup> Förtsch, Altbabylonische Wirtschaftstexte, №№ 41 и 44 (цитировано по В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 30).

<sup>3</sup> М. В. Никольский, № 293. Видеть в этом документе акт покупки рабов частными лицами (см. В. Струве, там же) вряд ли правильно. Правда, покупатели-садовники не названы прямо садовниками хозяйства жен патеси, однако, поскольку их имена тождественны с именами садовников, возглавлявших партии игинуду в патесиальном хозяйстве, мы имеем все основания полагать, что они приобретали игинуду в качестве садовых работников именно для этого последнего. К тому же и самый документ представляет собою не акт регистрации покупок, но запись расходов, произведенных, очевидно, из средств хозяйства жен патеси и при посредстве торговых агентов двора—дамкаров.

<sup>4</sup> Такой именно перевод этого термина дает, как мы видели, и Деймель (SL, 449, 59), причем, уточняя свой перевод, он замечает: «Die 3 Arten von Gartenarbeitern: iginudu, duatar und nusar werden zusammengefasst als iginudu giš-me (sicher nicht alle blind)».

<sup>5</sup> Так именно определяют функцию игинуду, как мы видели, Аллотт де ля Фу, Деймель, Н. М. Никольский. Существует предположение, что именно в связи с выполнением такой чисто механической работы игинуду ослеплялись, чем и объясняется их название. Деймель и переводит термин «игинуду» как «слепой» (blinder), оговариваясь, однако, что не все игинуду были слепыми, см. цит. выше место.

<sup>6</sup> Конус В—С Урукагины, VII, 17 сл.

неправильно. С одной стороны, из документов нам известно, что игинуду были заняты и на землекопных работах<sup>1</sup>. С другой стороны, среди игинуду мы встречаем *igi-nu-du giš-me* и *igi-nu-du giš-kin-ti-me* (игинуду-ремесленников). Конечно, в них нельзя видеть ремесленников в собственном смысле. Как и остальные игинуду, они связаны прежде всего с садовыми плантациями<sup>2</sup>, но в то же время *igi-nu-du giš-kin-ti-me*, несомненно, представляли какую-то специальную квалифицированную рабочую силу<sup>3</sup>.

Были ли игинуду рабами? Несомненно, в их числе были рабы, о чем свидетельствует факт покупки игинуду. Возможно, что число рабов игинуду было даже значительно. Можно ли, однако, из факта покупки отдельных игинуду делать обобщающий вывод, что все игинуду были рабами? На основании имеющихся данных дать определенно положительный ответ на этот вопрос не представляется возможным<sup>4</sup>.

Во всяком случае, положение игинуду, включая и заведомых рабов, — и это чрезвычайно характерно для хозяйственной жизни не только Двуречья, но и стран древнего Востока (Египта) вообще, — мало чем отличалось от положения остального рабочего персонала храмового (патесиального) хозяйства<sup>5</sup>. Наравне с остальным персоналом они получают то же довольствие (и даже по высшей норме)<sup>6</sup>: игинуду получали по 80 и даже по 160 ка зерна (по счету гур саггаль, что соответствует 29—58 кг) в месяц<sup>7</sup>, при обычной норме, получавшейся другими служащими и рабочими по тем же спискам, в 60 ка (около 21½ кг)<sup>8</sup>. Если такие повышенные нормы довольствия игинуду можно было бы до известной степени объяснить тяжестью выполняемого ими труда<sup>9</sup>, то факт получения игинуду шерсти (по общим спискам, включавшим все группы храмового персонала) по высшей норме в 4 мины<sup>10</sup> наравне с укуушами, по норме, равной возглавлявшим их нусар и превышавшей норму дуатар<sup>11</sup>, этим обстоятельством уже объяснить нельзя. Мы имеем ряд показателей, что и в других отно-

<sup>1</sup> TSA, № 25.

<sup>2</sup> См., например, STH, № 17, II, 10; III, 3 и другие документы этого рода.

<sup>3</sup> Из ряда документов известно, что плантации, на которых работали *igi-nu-du giš-kin-ti-me*, поставляли не только продукты собственно садоводства—финики, гранаты и пр., но также и дерево, частично обработанное (см. TSA, №№ 42, 43; DP, №№ 105 сл., 410 сл.). Поскольку это так, возможно, что такой первоначальной обработкой дерева и занимались как раз *igi-nu-du giš-kin-ti-me*.

<sup>4</sup> Сомнение в этом высказывал и акад. Струве, см. там же, стр. 39, примечание 173а.

<sup>5</sup> Во время правления Лугальанды в хозяйстве жены его Барнамтарры, той самой, с именем которой сохранился документ о покупке игинуду, игинуду, повидимому, не выделялись еще в особые списки, но помещались в общих списках, обозначавшихся как списки *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>3</sub>-ba*, наравне с остальными получателями, включая шублугалей и укуушей (см. KTS, № 54, 111, 7 сл.). Хотя они здесь и не названы игинуду, но просто *lú* («люди»), однако поскольку они указаны рядом с дуатарами и подчинены тем же нусарам, как и в позднейших документах времени Урукагины, в них можно видеть только игинуду.

<sup>6</sup> Правда, игинуду получали довольствие не поименно, но группами, через возглавлявших их лиц, но тем же порядком довольствие выдавалось и другим группам храмового персонала, в том числе шублугалам.

<sup>7</sup> См. Никольский, № 9; STH, №№ 15—17; TSA, № 14, 15. Только в 6-й год Урукагины довольствие игинуду зерном снижено было до обычной нормы в 60 ка, см. TSA, № 17; STH, № 18.

<sup>8</sup> Размеры довольствия по спискам *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>3</sub>-ba* были вдвое выше и составляли 120 ка, но следует заметить, что по этим спискам выдачи производились не ежемесячно, но реже (см. об этом ниже).

<sup>9</sup> См., например, В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 18.

<sup>10</sup> Это приблизительно соответствует количеству шерсти, получаемой с одной овцы за год, ср. Deimel, назв. сочинение, стр. 67.

<sup>11</sup> DP, № 171, VII, 4 сл.; 175, I, 4.

шениях игинуду не стояли ниже остальных членов храмового персонала<sup>1</sup>. Отдельные игинуду наряду с *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba* обладают земельными наделами<sup>2</sup>.

Общее число игинуду, занятых в хозяйстве храма Бау в различные годы, колебалось от 85 до 100, за исключением последнего, 6-го года правления Урукагины, когда в связи с началом военных действий против Уммы вообще значительно сократилась общая численность мужского персонала храма. Сопоставляя эти цифры с общим количеством всего занятого в хозяйстве Бау персонала<sup>3</sup>, мы находим, что процент игинуду равнялся приблизительно 8—10.

«Носильщики» (*il*), образующие вторую группу в списках «игинуду...», представляли собой, повидимому, подсобную малоквалифицированную рабочую силу, применявшуюся по преимуществу для переноски тяжестей, при наполнении амбаров зерном и т. п. В состав этой группы входили как мужчины, так и женщины. При общей численности группы, колебавшейся за различные годы от 35 до 40 человек, более устойчивым было число женщин—20—22<sup>4</sup>. Как и игинуду, «носильщики» делились на партии, возглавляемые специальными начальниками, причем в каждую партию одинаково входили как мужчины, так и женщины. В отличие от игинуду, документы содержат не групповые, а поименные списки «носильщиков». Обычная норма получения зерна «носильщиками» была ниже нормы, получавшейся игинуду, и составляла (одинаково для мужчин и для женщин) 60 ка и лишь в отдельных исключительных случаях—90—100 ка.

Можно, конечно, предполагать, что и среди носильщиков, как неквалифицированной рабочей силы, были рабы и, особенно, рабыни. Однако прямых указаний на это в документах не встречается. Следует, напротив, заметить, что имена почти всех людей этой группы как мужские, так и женские—шумерские. В то же время и входящие в нее женщины и в тексте документа и при подведении итоговых данных обозначены не как рабыни—*gim*, но просто как женщины—*SAL-me*. Женщины-рабыни, как известно, выделены были в специальные списки, и любопытно, что в документах последнего года правления Урукагины, в которых списки «игинуду...» объединены были со списками «рабынь и детей», «носильщицы» в противоположность рабыням обозначаются точно так же просто как «женщины»<sup>5</sup>.

Обращаясь к третьей группе тех же документов *šag-dub-aš-aš*—«получающих по отдельным табличкам», мы прежде всего должны отметить, что, в отличие от группы игинуду, дуатар и нусар, объединяющей садовых работников различной квалификации, и от *il*—«носильщиков», представлявших неквалифицированную рабочую силу, группа «получаю-

<sup>1</sup> Так, в числе получателей хлеба в общем списке храмового персонала (наряду с шубдугалями, укуушами и пр.) мы встречаем трех игинуду, отнесенных при этом к группе «ремесленников» (см. DP, № 130, IV, 13—3-й год Урукагины). Игинуду фигурируют в поименных списках наряду с лицами других профессий (DP, № 334, II, 3—4: «Кикуду—игинуду»); получают непосредственно на руки зерно (DP, №№ 231, X, 3—4, ср. оборот, VI, 2—4; № 544, II, 5—6).

<sup>2</sup> Земельные наделы игинуду получают по средней обычной норме (см., например, TSA, № 7, оборот, VII, 3—игинуду Ур дингир Бау получает  $\frac{3}{18}$  ган (бур), т. е. около 1 га; № 592 II, 3—4—игинуду Кикуду... получает  $\frac{2}{18}$  ган =  $\frac{2}{3}$  га; М. В. Н и к о л ь с к и й, № 41, III, 2—3—игинуду Урбилль получает  $\frac{1}{36}$  и  $\frac{1}{72}$  ган—около  $\frac{1}{4}$  га). Обращают на себя внимание чисто шумерские имена игинуду.

<sup>3</sup> Расчет общего числа людей, обслуживавших хозяйство храма Бау, см. ниже.

<sup>4</sup> См. М. В. Н и к о л ь с к и й, №№ 2 и 9; TSA, №№ 13 сл.; S'ГН, № 15 сл.; DP, № 113 сл. Общему числу «носильщиков» в документах выдачи довольствия вполне соответствует и цифра 37 человек, даваемая в специальном документе, содержащем сводные данные о числе «носильщиков» (DP, № 505).

<sup>5</sup> TSA, № 13; S'ГН, № 24. Только при подведении итогов все женщины сводятся воедино и обозначены общим термином *gim*.

щих по отдельным табличкам» не только не является столь же однородной, но, напротив, отличается крайней сложностью своего состава. В эту группу прежде всего входил персонал, непосредственно обслуживавший царицу (слуги—ka-šu-du, служанки—har-tu SAL-me, парикмахеры—šu-i, пекаря и повара—hatim (MU), привратники—ni-du), затем административный персонал, начиная от писцов и кончая высшими чиновниками (dub-sar, sukal, nim). Рядом со всеми этими людьми, образовавшими собственно придворный штат, в группу šag-dub-aš-aš входили также и занятые в хозяйстве люди различных профессий и квалификаций, пастухи различных видов скота, судовщики, наконец, объединенные общим термином giš-kin-ti-me «ремесленники», квалифицированные работники различных специальностей—кузнецы, плотники, кожевники, портные<sup>1</sup>. Среди ремесленников числился и такой высококвалифицированный мастер, как изготовитель статуй—lú alan<sup>2</sup>.

Уже факт включения в списки «игинуду...» лиц высшей администрации и наличие в этих списках высококвалифицированных ремесленников и художников не дает нам возможности согласиться с выводами академика Струве, противопоставлявшего документы этого рода как специальные списки рабов документам типа lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>6</sub>-ba, в которых он видел общинников<sup>3</sup>. С другой стороны, и положение людей списков «игинуду...» и «людей кормления», как увидим, далеко не настолько различно, чтобы можно было так определенно противопоставлять их одни другим. Место, занимавшееся в хозяйстве Бау людьми списков «игинуду...», мы сможем определить точнее лишь после того, как ознакомимся ближе с документами третьего типа, охватывавшими lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>6</sub>-ba.

Термин lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>6</sub>-ba<sup>4</sup> означает «люди, получающие кормление». Построение документов типа lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>6</sub>-ba в общем аналогично с документами типа «игинуду...» И эти документы точно так же начинаются с перечня безыменных групп людей, называемых «шублугаль» и «кукууш», с указанием лишь числа входивших в эти группы людей и имен возглавлявших их лиц. Далее, как и в списках «игинуду...», следуют частью групповые, частью поименные записи самых различных профессий и положений. Здесь мы встречаем и лиц храмового персонала (как giš-tu-P1-kar-га, šangu), и представительей администрации, начиная с писцов и кончая самим заведующим хозяйством храма нубандой, получавшим также по этим спискам, саг-энгаров, заведывавших обработкой полей, садовников, пастухов, ремесленников различных специальностей, рыбаков и пр. Как видим, в большинстве это люди того же положения и в значительной мере тех же профессий, как и «получающие по отдельным табличкам» документов типа «игинуду...»<sup>5</sup>. Различие между обоими этими видами списков заключалось, таким образом, не в персональном их составе. Различие это заключалось прежде всего в сроках выдачи зернового продовольствия: в то время как по спискам «игинуду...» довольствие выдавалось ежеме-

<sup>1</sup> См. документы, указанные в прим. 4 на стр. 18.

<sup>2</sup> STH, № 17, оборот, 1, 8; № 18, VIII, 4; № 24, III, 13; TSA, № 13, IV, 1; № 14, IX, 2; № 15, оборот, 1, 5.

<sup>3</sup> В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 19; ср. Проблема..., стр. 50 сл. Против возможности в документах типа игинуду... видеть списки рабов, тем более рабов, обслуживающих «рядовых свободных» (ср. Проблема... цит. место) говорит и устанавливаемый самим акад. Струве факт перечисления в эти списки отдельных лиц из списков, которые он признает за списки свободных общинников. Особенно необычен в этом отношении факт зачисления в «рабы» нескольких принадлежавших, очевидно, к административному персоналу писцов, см. «Рабство в древнейшем Сумире», стр. 19 сл.

<sup>4</sup> Термин этот читается так же как lú ŠU-KU-ku-ba. Идеограмму ŠUKU, означающую «кормление», «средства существования», иногда передают так же, как PAD.

<sup>5</sup> Значение такого определения этой группы людей выясняется ниже.



сячно,  $lú\ kúr_6-dab_5-ba$  получали зерно реже, раз в 2—3 месяца (не более четырех раз в год)<sup>1</sup>. Только на 6-й год правления Урукагины мы встречаем и в документах этого рода пометки о выдачах в 6-й раз (DP, № 121), в 10-й раз (STH, № 13) и даже в 11-й раз (STH, № 12). Такое изменение сроков выдач находилось, повидимому, в связи как с переменной заведующего хозяйством<sup>2</sup>, так и с реформой всей системы выдач. Дело в том, что с увеличением числа выдач одновременно сокращался их размер. Обычная норма получения зерна  $lú\ kúr_6-dab_5-ba$  до реформы равнялась 120 ка, т. е. ровно вдвое превышала среднюю норму «носильщиков» и людей, «получавших по отдельным табличкам» (норма игинуду, как отмечалось выше, была больше). Теперь и  $lú\ kúr_6-dab_5-ba$  переведены были на ежемесячное получение довольствия, но одновременно было снижено до обычной нормы (60—80 ка) и количество выдававшегося им зерна.

Учитывая то обстоятельство, что двойная норма зерна, получавшаяся  $lú\ kúr_6-dab_5-ba$ , приходилась не на два, а на три месяца, мы видим, что количество выдававшегося им довольствия было в полтора раза менее по сравнению с людьми списков «игинуду»... Этим, повидимому, и объясняется, почему в дополнение к натуральному довольствию люди этих списков получали еще земельные наделы<sup>3</sup>. Повидимому, и самый термин  $lú\ kúr_6-dab_5-ba$ —«люди, получающие кормление», имеет в виду не получение этими людьми довольствия, но именно получавшиеся ими земельные наделы<sup>4</sup>. Участки, дававшиеся в надел, были обычно невелики—от  $\frac{1}{18}$  до  $\frac{3}{18}$  гана-бура (от  $\frac{1}{3}$  до 1 га); реже давались участки в  $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$  гана-бура (2—4 га), и лишь в виде исключения встречаются более значительные участки. Такие участки получали лишь более видные представители администрации, как, например, сам управляющий всем хозяйством храма Бау нубанда Эниггаль<sup>5</sup>, писец Игиму<sup>6</sup>, царские родственники<sup>7</sup>; но прежде всего и притом самые крупные наделы (все же не более 3 бур) получали начальники партий шублугалей и укуушей<sup>8</sup>, причем, очевидно, с этих наделов кормились и подчиненные им люди<sup>9</sup>.

Насколько недостаточны были даже более значительные наделы в  $\frac{1}{3}$  бура (ок. 2 га), показывает то обстоятельство, что обладатели

<sup>1</sup> К такому выводу приходит ряд исследователей этих текстов (Фертч, Деймель, А. Шнейдер, см. A. D e i m e l, ST, стр. 107; ср. С т р у в е, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 13 и примечание 166. Документы, послужившие основанием для такого заключения, не были в моем распоряжении. Но этому заключению вполне соответствуют и датировки документов, в которых, помимо года правления царя или патеси, когда составлен документ, указывается также и порядковсе число производства выдачи за данный год: в то время как в отношении выдач по спискам рабынь и игинуду... встречаются и выдачи, производившиеся в 11-й и в 12-й раз, число выдач по спискам  $lú\ kúr_6-dab_5-ba$  за первые пять лет правления Урукагины ни разу в дошедших до нас документах не превышает четырех.

<sup>2</sup> Место Эниггалья, хотя последний и продолжал числиться в списках, занял Энцугиги, не получивший, однако, при этом звания нубанды, но сохранивший, повидимому, свое прежнее звание *igi-dub*.

<sup>3</sup> Сопоставляя документы о выдаче довольствия людям, получающим кормление, с документами относительно наделения земель, мы видим, что все получающие по этим спискам—и шублугали и остальные—как названные поименно, так и обозначенные группами по профессиям—получали вместе с этим и земельные наделы.

<sup>4</sup> Ср. D e i m e l («Orientalia», 34—35, стр. 33 сл.) и он же, ST, стр. 21.

<sup>5</sup> Эниггаль получает по одному документу (STH, № 40, оборот, II, 11) 2  $\frac{1}{3}$  бур (немного более 14 га) и по другому документу (DP, № 589, I, 1—3)—1 бур.

<sup>6</sup> Несколько менее одного бура (DP, № 577, оборот, II, 6—7).

<sup>7</sup> 1— $\frac{1}{3}$  бур (STH, № 40, оборот, II, 3—6; DP, № 577, оборот, I, 7; II, 1; № 883, обор. I, 1—3).

<sup>8</sup> См., например, STH, № 40, IV, 2 сл.; TSA, № 7, I, 1 сл.; DP, № 589, I, 6 сл. О партиях шублугалей и укуушей см. ниже.

<sup>9</sup> Ср. В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 16.

их нередко вынуждены были приарендовывать с того же храмового хозяйства и, по большей части, на том же самом поле соседние участки (такой же или меньшей величины<sup>1</sup>). Такая явная недостаточность наделов может быть объяснена только тем обстоятельством, что, как сказано, они служили лишь дополнительным кормлением к основному довольствию натурой.

Для того чтобы выяснить, чем обуславливалось такое различие в способах обеспечения различных частей и групп персонала хозяйства Бау, необходимо предварительно рассмотреть положение и место в хозяйстве групп, получавших довольствие по спискам *lu kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba*. Пока же следует заметить лишь, что предположение, будто люди, выдачи которым производились не ежемесячно, но четыре раза в год, соответственно и заняты были в хозяйстве втрое менее<sup>2</sup>, нельзя признать обоснованным. Дело заключалось, как показано выше, не столько в различии размеров довольствия (последнее, принимая во внимание дополнительное наделение *lu kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba* землей, было приблизительно одинаковым), сколько в различии сроков производства выдач. При этом выдачи, как можно установить на основании имеющихся документов, производились в течение всего года. От 3-го года правления Урукагины сохранились как раз четыре документа о выдаче довольствия зерном *lu kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba* (СТН, №№ 8—11). Причем один из них помечен одним из летних месяцев<sup>3</sup>, другой осенним месяцем поступления шерсти (СТН, №9) и, наконец, два—зимними месяцами (СТН, №№ 10 и 11). Но если таким образом довольствие выдавалось, хотя и в более редкие сроки, в течение всего года, то, надо думать, и работы выполнялись ими в течение года. Среди людей этих списков находим, как уже отмечалось выше, представителей администрации, рыбаков, пастухов, ремесленников разного рода, деятельность которых не ограничивалась, да и не могла ограничиваться каким-либо временем. Точно так же и шублугали, которые, как увидим, представляли собой неквалифицированных работников, были заняты не только на определенных сезонных работах, но и на других работах, не связанных с каким-либо временем года.

После этих предварительных замечаний обращаемся к рассмотрению отдельных групп, входивших в списки *lu kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba*. Так же как списки «игинуду...», и эти списки начинаются с перечисления групповых выдач людям, обозначаемым термином «*šub-lugal*» и различаемым лишь по именам их начальников. Кто были эти шублугали? Обыкновенно их определяют как «воинов», «военных поселенцев» (*Militärkolonnen*)<sup>4</sup>. Такое определение, во всяком случае, требует уточнения, поскольку оно связывается с представлением о профессиональных воинах, чем шублугали никогда не были. Если шублугали и несли военную службу, то в документах времени Урукагины они гораздо чаще фигурируют в качестве простых работников, притом, судя по характеру выполнявшихся ими работ, именно в качестве малоквалифицированных работников<sup>5</sup>. Труд

<sup>1</sup> См., например, СТН, № 40, VII, 2 сл. 6 сл., и др.; DP, № 583, II, 3 сл. и др.

<sup>2</sup> В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 25.

<sup>3</sup> СТН, № 8. От названия месяца, правда, сохранилось только окончание: ... *Nanše-ku* (оборот, VI, 1), но так как в другом документе от того же года выдача помечена зимним месяцем *itu Ezen-dim-kud, Nanše ku* (№ 11, оборот, VI, 1—2), то в данном случае речь может идти только об одном из летних месяцев с именем этой богини.

<sup>4</sup> A. Deimel, SL, 313, 9; ST, стр. 39; В. В. Струве, назв. сочинение, стр. 16—17.

<sup>5</sup> Много данных о положении шублугалей и выполнявшихся ими работах — основании материала, предоставленного Деймелем, собрано в книге A. Schöneier, «Die sumerische Tempelstadt», стр. 33 сл. Книги этой, к сожалению, не было в моем распоряжении (цитирую по В. В. Струве, Рабство..., примечание 133). Од-

их особенно широко использовался, повидимому, в земледельческом хозяйстве как на пахотных и посевных работах, так и при уборке урожая и доставке собранного зерна в житницы. Начальники шублугалей и даже укуушей обычно фигурируют в качестве саг-энгаров («главных земледельцев»), руководителей земледельческих работ, наряду с другими специальными саг-энгарами и энгарами. Они получают средства производства (плуги) и посевное зерно, доставляют и ссыпают собранное зерно. При этом в качестве саг-энгаров встречаются не отдельные, но почти все лица, возглавляющие партии шублугалей: Кака, Каманизи, Шешлудуг, Уршунирда, Энам, Эменесуд, также и начальник укуушей Дам дингир му<sup>1</sup>. Обычную, и, повидимому, основную рачобую силу представляли шублугали и на ирригационных и других землекопных работах. В то время как остальные участники этих работ перечисляются по именам индивидуально, шублугали, большей частью, работают партиями<sup>2</sup>. Шублугали постоянно заняты были далее на рубке тростника (DP, №№ 351—358, 360—361), на косье травы (DP, №№ 366, 368 сл.); начальники их доставляют деревья<sup>3</sup>. Укууши Дам дингир му привлекаются к транспорту тростника из одного города в другой (DP, № 503). Шублугали в качестве подсобной силы участвуют, наконец, и в строительных работах<sup>4</sup>.

Мы видим таким образом, что значение шублугалей как воинов совершенно отстывает перед той ролью, какую они в качестве простой неквалифицированной рабочей силы играли в хозяйственной жизни, в частности, в хозяйстве храма Бау. Но в то же время и в военных действиях шублугали участвуют не в качестве профессиональных воинов, а на основании общего призыва, наравне с людьми, набираемыми из массы остального населения, в частности, в значительной мере из числа квалифицированных ремесленников и, наконец, даже из числа людей, значившихся в списках «игинуду...»<sup>5</sup>.

нако и того материала, которым я располагал, вполне достаточно для того, чтобы охарактеризовать их положение и место в хозяйстве Бау.

<sup>1</sup> См. RTS, № 74.; TSA, № 21; М. В. Н и к о л ь с к и й, №№ 80 сл., 96; DP, №№ 484, 492—495, 498, 499, 501, 532, 534, 537, 589, 545, 546, 549, 551, 561, 1602 (люди Шешлудуга, Энама, Каманизи, Дам дингир му, с указанием умерших, обозначены как люди, участвовавшие в работах на храмовом поле: lú-nig-en-na še-kin-še-kin da-kam); ср. STH, №№ 12 и 13, где два начальника шублугалей Кака и Каманизи значатся одинаково и как саг-энгары. В качестве саг-энгаров Кака, Каманизи и Энам наряду с другими саг-энгарами возвращают плуги по окончании работ на государственные склады, см. Н и к о л ь с к и й, № 287.

<sup>2</sup> См. TSA, № 23; DP, №№ 623, 632—635, 637, 644, 649—652.

<sup>3</sup> М. В. Н и к о л ь с к и й, №№ 281, 284; DP, №№ 491, 503.

<sup>4</sup> DP, № 123; 69 шублугалей работают вместе со строителями—dim.

<sup>5</sup> От 5-го года правления Урукагины мы имеем поименный список шублугалей наравне с так же поименно названными лицами, не принадлежащими к числу шублугалей. Те и другие распределены на группы в 20—25 человек, с указанием имен возглавлявших их лиц (PA). Хотя в большинстве эти последние тождественны с начальниками партий шублугалей по спискам выдач довольствия, однако люди, входившие в партии этих последних списков, в названном документе развиты и подчинены частично другим начальникам (DP, № 136). Все эти люди, как шублугали, так и люди остальных партий, обозначены просто как «люди, принадлежащие богине Бау) ú-rum dingir Ba-u). От того же года сохранился другой, почти тождественный, но в значительной мере расширенный список (вместо 100 человек в этот список внесено 184 человека, Н и к о л ь с к и й, № 3). Вместе с этим самый список изменил свое значение и назначение. Это уже не только список людей, принадлежащих богине Бау, но в то же время и прежде всего список воинов—lú ama-eren-kam (ср. D e i m e l, SL, 237, 47: ama erinna=umanaatum), поступающих в распоряжение царя Урукагины, причём имя фактической владельницы их, царицы Шаг-Шаг, упоминаемое в ранее названном документе, здесь опущено (там же, оборот IX, 1. gu-an-šu 184 lú 2. ama-eren-kam 3. ú-rum 4. d. Ba-u 5. Uru-ka-gi-na 6. lugal 7. Sir-pur-la-ki-ka 8. Zag-ne-us. 5 [год]). И характерно, что и в этот список воинов вошли не только шублугали, но включено было также и много людей различных профессий и специальностей (в числе 42 человек)

Положение шублугалей довольно близко напоминало положение гуруш (каль) в Шуруппаке предшествовавшего времени, где гуруш в качестве массы общинников представляли одновременно и рабочую и военную силу. Забегая вперед, мы можем сопоставить их также и с гуруш(каль), точнее с эрен, последующей эпохи III династии Ура и с šābê времени I-ой вавилонской династии, термином, по своему написанию соответствовавшим идеограмме «эрен» и применявшимся одинаково в отношении и военных отрядов и рабочих партий.

Только в группе укуушей можно с большим основанием видеть профессиональных воинов, поскольку по своему значению и по своему написанию термин «укууш» соответствовал семитическому термину *ridû*<sup>1</sup>. Однако, как мы видели, и укууши не были свободны от физического труда. Так, укууши, возглавляемые Дам дингир му, выполняли все те же работы, как и шублугали. Они числятся среди людей, участвовавших в работах на храмовых полях (DP, № 602). Не менее широко, чем шублугали, заняты были они на землекопных<sup>2</sup> работах. Труд их использовался также на рубке тростника<sup>3</sup>, на поставке деревьев<sup>4</sup>, наконец, на транспорте<sup>5</sup>. И укууши, таким образом, не были собственно профессиональными воинами и в мирное время представляли такую же неквалифицированную рабочую силу, как и шублугали.

Остальной персонал, включенный в одни списки с шублугалами и укуушами, образуют, как уже сказано, с одной стороны, представители хозяйственной администрации, с другой—люди различных профессий и специальностей: пастухи, рыбаки и судовщики (эти последние две группы, как увидим, лишь в незначительной своей части включены в данные списки), наконец, ремесленники различного рода. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в этих списках собственно обслуживающего царя и вообще придворного персонала.

Теперь, когда мы рассмотрели последовательно все основные входившие в различные списки группы хозяйственного персонала Бау и когда вместе с этим у нас сложилось более полное представление об организации хозяйства храма Бау в его целом, мы имеем возможность точнее опреде-

под общим обозначением *giš kin-ti-me*—«ремесленники» (там же, оборот, V, 3—4), причем в число этих людей включены были также и несколько людей списков игнунду (Например, У-куш—*sukal é-gal: Н и к о л ь с к и й*, № 3, оборот, V, 1—2, ср. STH, № 17, оборот, VI, 1; Наммах-*ni-du: Н и к о л ь с к и й*, 13, оборот, VI, 4; ср. STH, № 15, VIII, 3; № 16, VIII, 8; Шагнугаль—*ad-ge: Н и к о л ь с к и й*, № 3, оборот, III, 4; ср. STH, № 18, оборот, I, 1). Не менее характерным представляется и то обстоятельство, что только с образованием военных отрядов, включающих не только шублугалей, но и многочисленных ремесленников и лиц других профессий, те и другие, и не только шублугали, начинают обозначаться как воины. При этом шублугали не всегда даже образуют особые отряды, и, например, в отряде, начальником которого является Урсиг, мы одновременно встречаем и шублугалей («людей» самого Урсага, Кака, Шешлудуга, Энама) и несколько энгаров, пастухов, птичников, составляющих в общем более половины всего отряда (13 человек из 23, см. *Н и к о л ь с к и й*, № 3, столбцы I и II). От следующего, 6-го года Урукагины, года разыгравшихся военных действий против Уммы, сохранился еще один, аналогичный, но параллельный двум, приведенным выше, список (DP, № 135; список параллельный), поскольку как состав партий, так и имена возглавивших их лиц здесь были иные). Список составлен совершенно по тому же образцу и с таким же заключением. 155 человек, из вошедших в этот список, обозначены как *eren-ku-ha-an* и 12 как *ama-eren-kam*. Число шублугалей и соотношение их числа с остальной массой «воинов» в этом списке были еще меньше, чем в списке 5-го года Урукагины.

<sup>1</sup> Ср. Deimel, *Sl.*, 447, 28: *ukuš-riduu ša šābêmeš*.

<sup>2</sup> TSA, № 23, II, 8—III, 1; №№ 622, оборот, I, 8; 623, оборот, III, 4; 624, III, 4; 632, II, 4; 633, III, 3—4; 637, I, 6; 644, оборот, II, 7.

<sup>3</sup> Там же, № 360, II, 7—8.

<sup>4</sup> М. В. *Н и к о л ь с к и й*, №№ 281, III, 1—3; 294, столбцы I—II.

<sup>5</sup> DP, № 503, столбец III.

лечь положение и место, занимаемое этими группами в общей хозяйственной организации.

Сопоставляя положение и функции, выполняемые в хозяйстве Бау людьми различных списков, мы без труда можем прийти к выводу, что в первые два списка «рабынь» и «игинуду...» вносились люди, образовавшие более тесный придворный штат, обслуживавший непосредственно царицу и ее двор (так же как люди списков *lú-TUR-TUR-la-ne* обслуживали царских детей); списки же *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>6</sub>-ba* заключали в себе рабочий персонал, эксплуатировавшийся хозяйством Бау в его целом. Этому до некоторой степени соответствовал и характер эксплуатации. Поскольку, например, труд рабынь использовался прежде всего для удовлетворения непосредственных нужд царицы и ее двора, эксплуатация его сохраняла еще известные черты домашнего патриархального рабства. Более половины рабынь занято было обработкой и прядением шерсти (около 55%)<sup>1</sup>. Из остальных, как уже отмечалось выше, часть занята была помолом, часть на кухне, часть на пивоварне, наконец, часть уходом за свиньями и козами. Люди, входившие в списки «игинуду...», также непосредственно связаны были, как мы имели возможность в этом убедиться, с двором царицы. Игинуду и другие садовые работники обслуживали прежде всего именно потребности этого двора, и мы видели, что не кто другой, как именно жены патеси фигурировали обычно в качестве покупательниц игинуду. Мы видели далее, что именно в этих списках значился многочисленный собственно служебный персонал двора. Наконец, и группа «ремесленников», включенная в списки «игинуду...», кончая изготовителем статуй—*lú alan*, очевидно, также предназначалась для обслуживания более непосредственных потребностей царицы и ее двора. Пастухи также прежде всего были пастухами упряжного и мелкого убойного содержавшегося при дворе скота.

Если списки рабынь и «игинуду...» охватывали персонал, более непосредственно связанный с двором царицы, то в списки *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>6</sub>-ba* включались люди, обслуживавшие более общие и широкие потребности хозяйства Бау. Возглавлявшие эти списки партии шублугалей выполняли прежде всего различные земледельческие работы, а также и другие работы общехозяйственного значения. Среди остального персонала этих списков, как выше уже обращалось внимание, совершенно отсутствуют кашуду и носители других должностей и званий, связанных с непосредственным обслуживанием царицы и ее двора. Повидимому, и более квалифицированные работники этих списков также удовлетворяли более общим нуждам и потребностям хозяйства Бау и не стояли так близко ко двору царицы, как те, которые включены были в списки игинуду. В еще большей степени это должно относиться к рыбакам, судоходам, пастухам крупного скота, содержавшегося на пастбищах.

Повидимому, именно этим различием в положении и выполняемых хозяйственных функциях следует объяснять и отмеченное выше различие в системе обеспечения людей списков игинуду... и *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>6</sub>-ba*. Первые, как ближе стоявшие ко двору царицы и более непосредственно связанные со службой при дворе, получали довольствие ежемесячно; шублугали же и другие люди тех же списков, как более удаленные от двора, получали довольствие через более длительные сроки, причем часть довольствия возмещалась им дачей земельных наделов.

Основу хозяйственной жизни времени Лугальанды и Урукагины составляла эксплуатация вовлеченных в патесиальное (храмовое) хозяй-

<sup>1</sup> Во втором году Урукагины при общем числе рабынь 143, 79 было занято обработкой и прядением шерсти (см. DP, № 112); в 5-й год, когда число рабынь сократилось до 128, обработкой шерсти занята была 71 рабыня; (см. STH, № 22).

ство широких масс местного производящего населения. Реформы Уруккины, как об этом свидетельствует его известная надпись, касались прежде всего различных групп населения, занятых в общественном хозяйстве, — судовщиков, пастухов, рыбаков, земледельцев, ремесленников (*giš-kin-ti-me*), неквалифицированных рабочих (*KAL—min-me*). Устранив некоторые злоупотребления и повысив нормы довольствия, реформа Уруккины, однако, не внесла никаких существенных изменений в самую организацию хозяйства<sup>1</sup>. Эксплуатация собственно рабского труда (за исключением, как мы видели, женского труда) отражена в наших источниках более или менее случайно, поскольку рабы, занятые в патесиальном хозяйстве, не обособлялись и ничем не выделялись из остальной массы вовлеченного в это хозяйство населения. Самый термин *uru(arad)*, означающий собственно раба-чужеземца, в официальных документах не встречается, хотя он уже в это время применяется для обозначения частных рабов<sup>2</sup>. Те относительно немногочисленные рабы, о которых мы узнаем из документов, приобретались во всех известных нам случаях путем покупки единичных рабов. В одном случае при покупке жреца-гала названо имя продавца, причем последний оказывается отцом продаваемого гала (*RTS*, № 17). По этому поводу можно указать, что продажа детей широко практиковалась в области Двуречья и во все последующие эпохи<sup>3</sup>. О захвате военнопленных в эту эпоху в наших источниках не имеется никаких упоминаний<sup>4</sup>.

Соответственно с этим мы ничего не узнаем и о пожертвованиях военнопленных в храмы (первое известие такого рода относится ко времени царя аккадской династии Римуша). Напротив, факты передачи в распоряжение храмов и вместе с тем непосредственное вовлечение в храмовое хозяйство целых групп общинников представляли в Лагаше обычное явление. Так, Гудеа в одной из своих надписей сообщает, что он набрал партию судовщиков и вместе с их нубандой (начальником) передал храму Нингирсу<sup>5</sup>. В обширной посвященной построению храма надписи

<sup>1</sup> Конус Уруккины В—С, II, 2 сл., VI, 28 сл. столбцы, VIII, XI.

<sup>2</sup> См., например, Никольский, № 19.

<sup>3</sup> От кого приобретались остальные рабы, из документов не видно. Можно лишь указать, что приобретение их совершается при посредстве дамкаров—торговых агентов двора, производивших торговые операции с иноземными странами, в том числе прежде всего с Эламом.

<sup>4</sup> В сообщениях о войнах, которые вел город Лагаш при предшественниках Лугальанды, отсутствуют какие-либо упоминания о взятии военнопленных. Яркий пример в этом отношении представляет известная «Стела коршунов» с изображением и описанием победы правителя Лагаша Эаннатума над соседним городом Уммой. Несмотря на то, что описание победы составлено в самых хвастливых выражениях, о военнопленных при этом ничего не говорится и в то же время сообщается о 3600 убитых в бою неприятелях и о дальнейшем избиении врагов под стенами Уммы. Мало того, сопровождающее надпись изображение специально представляет сцену такого избиения военнопленных (*Thureau-Dangin*, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, стр. 10 сл., столбцы VII—VIII). Совершенно так же, повидимому, поступили в свою очередь и «люди Гишу» (Уммы), овладев Лагашем. Небольшая табличка, повествующая о падении и разграблении Лагаша, полна сообщений об избиении жителей Лагаша, укрывшихся в дворцовых и храмовых зданиях (*Thureau-Dangin*, там же, стр. 36—38). Уже из одного свидетельства «Стелы коршунов» можно видеть насколько произвольно, например, утверждение проф. В. И. Авдиева, будто «важнейшим источником рабства» в области Двуречья служили именно войны между соседними городскими общинами и что именно эти войны приводили к широкому распространению и развитию рабства (см. В. Авдиев *История древнего Востока*, лекции 1—7, стр. 12 сл., цитирую по изданию 1943 г.). Аналогичное утверждение находим и в популярной книге Н. Д. Флиттнер, *На берегах Евфрата и Тигра*, 1938, стр. 113, где также говорится, что именно внешние междугородские войны поставляли главным образом рабочую силу для обширного строительства шумерских царей.

<sup>5</sup> *Thureau-Dangin*, там же, стр. 76, d. III, 8—12. От несколько позднейшего времени из надписи Маништусу мы также узнаем о пожертвовании им в храм бога

он же говорит о посвящении Нингирсу ряда поселений с их населением<sup>1</sup>.

Все это свидетельствует о широкой эксплуатации труда общинников, тормозившей развитие собственно рабовладельческих отношений.

Обращаемся к вопросу о численности персонала храма Бау. Сводя данные различных списков, получаем следующую таблицу:

Списки		Численность храмового персонала по годам правления Урукагины					
		1	2	3	4	5	6
lú kúr <sub>6</sub> -dab <sub>5</sub> -ba	муж.	162 <sup>1</sup>	260 <sup>2</sup>	271 <sup>3</sup>	—	—	224 <sup>4</sup>
igi-nu-du il šag-dab-aš-aš	муж.	112	178	164	147	154	136
	жен.	19 <sup>5</sup>	30 <sup>6</sup>	32 <sup>7</sup>	32 <sup>8</sup>	31 <sup>9</sup>	31 <sup>10</sup>
gim	муж.	6	4	5	7	7	7
	жен.	93 <sup>11</sup>	143 <sup>12</sup>	141 <sup>13</sup>	128 <sup>14</sup>	123 <sup>15</sup>	173 <sup>16</sup>
dumu	муж.	17	33	28	23	26	21
	жен.	25 <sup>11</sup>	53 <sup>12</sup>	37 <sup>13</sup>	34 <sup>14</sup>	34 <sup>15</sup>	27 <sup>16</sup>

<sup>1</sup> STH, № 6.

<sup>2</sup> Никольский, № 13; приблизительно такую же цифру дает STH, 259 +? ; TSA, № 20 дает значительно меньшую цифру: 196.

<sup>3</sup> STH, 9; ср. там же, №№ 10—11.

<sup>4</sup> Шестая выдача (DP, № 121)—244 чел.; десятая выдача (STH, № 13)—226; однанадцатая выдача (там же, № 12)—234.

<sup>5</sup> STH, № 13; ср. № 16.

<sup>6</sup> DP, № 113.

<sup>7</sup> STH, № 17.

<sup>8</sup> TSA, № 14.

<sup>9</sup> DP, № 114.

<sup>10</sup> DP, № 115. В дальнейшем число людей в связи с войной быстро падает. Восьмая выдача (TSA, № 16): 129 муж и 23 жен.; двенадцатая выдача (STH, № 13): 109 муж. и 23 жен.

<sup>11</sup> STH, № 20.

<sup>12</sup> STH, № 21; ср. DP, № 112; Никольский, № 1.

<sup>13</sup> DP, № 229.

<sup>14</sup> Никольский, № 6.

<sup>15</sup> STH, № 22; ср. TSA, № 12.

<sup>16</sup> STH, № 23.

Из этой таблицы мы видим, что численность храмового персонала не оставалась неизменной. Во 2-й год правления Урукагины, в связи с принятием им царского титула, численность персонала по всем трем видам списков резко повышается. В 3-м году дальнейшая тенденция к некоторому росту наблюдается только в отношении числа людей lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba, но затем рост численности и этой группы, повидимому, приостанавливается (хотя данных по этим спискам за 4-й и 5-й годы не сохранилось, но даже максимальная цифра 6-го года значительно ниже). Численность списков игинуду..., напротив, после повышения во 2-й год, за следующие два года, снова постепенно понижается, после чего более или менее стабилизируется. Та же тенденция к снижению и затем к стабилизации наблюдается и в отношении числа рабынь. В 6-м году численность людей первых двух видов списков снижается при одновременном возрастании числа рабынь. Факт снижения численности людей обоих мужских списков при одновременном повышении числа женщин-рабынь стоял, очевидно, в связи с обстоятельствами военного времени, когда мужчины были взяты на войну и труд их замещен трудом женщин<sup>2</sup>.

Шамаша в Сиппаре восьми селений (ST, XXX, 11, plates 1—4, столбец V, строка 3 сл.; перевод и транскрипцию см. RA, IX (1912), стр. 97.

<sup>1</sup> Thureau-Dangin, там же, стр. 104, m. XIV, 9 сл.

<sup>2</sup> За последние месяцы (11-й и 12-й, 6-го года правления Урукагины имеются еще объединенные списки gim dumu igi-nu-du (см. TSA, № 13; STH, № 24); однако списки эти представляют собой простые слагаемые одновременных им обособленных списков игинуду и рабынь. В отличие от этих последних, содержащих в себе поименные

Изменения, происходившие в численности списков рабынь, ввиду однородности их состава не нуждаются в специальных комментариях. Напротив, изменения численности персонала других двух видов списков ввиду сложности их состава необходимо проследить по отдельным входившим в них группам. В списках *lú-kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba* различаются три группы: шублугали, укууши и остальной храмовый и рабочий персонал. Изменения в численности этих групп в отдельности представлены в следующей таблице<sup>1</sup>:

Группы	Численность по годам правления Урукагины					
	1	2	3	выдачи:		
				6-я	10-я	11-я
шублугали . . . . .	36	83	77	70	60	56
укууши . . . . .	12	34	35			
остальной персонал: . . . . .	114	143	159			

Из данных этой таблицы мы видим, что в первые годы рост числа шублугалей и укуушей значительно обгоняет рост численности остального персонала. Но затем, в 6-й год (год войны с Уммой) число первой группы резко падает, причем укууши не обособляются более от шублугалей. Напротив, численность остального персонала продолжает, хотя и медленно, расти, а в год военных действий остается в общем стабильной. Означает ли это, однако, что в военных действиях принимают участие только шублугали? Ближайший анализ данных документов показывает, что подобный вывод был бы слишком поспешным и неправильным. Сопоставляя списки 3-го и 6-го годов, мы видим, что многие имена списков 3-го года исчезают и, напротив, в списках 6-го года появляются многие новые имена. Исчезают целые группы, например, группа в 7 EDIN (охотников) с Идмут'ом во главе<sup>2</sup>. Все это свидетельствует о замене людей, взятых на войну, новыми кадрами<sup>3</sup>.

Обращаемся к спискам «игинуду...» и располагаем их также по годам и по основным группам<sup>1</sup>:

Группы	Численность по годам правления Урукагины:						
	1	2	3	4	5	6	конец 6-го года
<i>igi-nu-du, du-a-far, nu-sar</i>	53	98	87	83	84	73	50
<i>il</i>	{ муж. 17 } { жен. 16 } 33	{ 22 } { 21 } 43	{ 16 } { 22 } 38	{ 15 } { 22 } 37	{ 13 } { 21 } 34	{ 14 } { 22 } 36	{ 14 } { 15 } 29
<i>šag-dub-aš-aš</i>	{ муж. 42 } { жен. 3 } 45	{ 58 } { 9 } 67	{ 61 } { 10 } 71	{ 49 } { 10 } 59	{ 57 } { 10 } 67	{ 49 } { 9 } 58	{ 44 } { 9 } 53
всего:	131	208	196	179	185	167 <sup>2</sup>	132 <sup>2</sup>

<sup>1</sup> Таблица составлена на основании тех же документов, как и таблица № 1.

<sup>2</sup> DP. № 115, без указания порядкового числа выдачи.

<sup>3</sup> STH, № 18 (12-я выдача). Среднюю цифру (129 м. и 23 ж.) дает TSA, № 16 (8-я выдача).

перечни получателей зерна, объединенные списки дают лишь итоговые числовые данные. С какой целью составлялись эти сводные документы, неизвестно. Возможно, составление этих списков стояло в связи с назначением нового заведующего хозяйством Бау.

<sup>1</sup> Таблица составлена по данным документов STH, №№ 6—13.

<sup>2</sup> STH, № 8, об., III, 13; № 9, об., IV, 8; № 10, об., IV, 10; № 11, об., III, 13.

<sup>3</sup> Правда, за предшествовавшие два года списков *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba* не сохранилось. Но так как упоминавшийся выше список людей, включенных в военные отряды, относится к 5-му году, причем там встречаются имена, исчезнувшие из списков *lú kúr<sub>6</sub>-dab<sub>5</sub>-ba* 3-го года, то мы и имеем основание связывать изменение в составе второй группы этих списков именно с составлением этих списков.



При значительных колебаниях из года в год общей численности людей списков игинуду... колебания эти, как видим, не в одинаковой степени коснулись отдельных групп этих списков. Во 2-й год сильно возросли все группы: особенно значительно повысилось число игинуду, увеличившееся почти вдвое (на 85%); число *il* поднялось на 30%, число *šag-dub-aš-aš*—на 50%. Но уже в следующем году происходит сокращение первых двух групп, очевидно, в связи с перераспределением рабочей силы. Напротив, последняя группа за этот год даже несколько возросла. В дальнейшем число игинуду в течение трех, а число «носильщиков» в течение четырех последующих лет, изменилось очень мало. Напротив, численность персонала *šag-dub-aš-aš* за это время, особенно в его мужской половине, постоянно колебалась, что, повидимому, стояло в связи с переводом людей из непосредственного штата царицы в состав хозяйственного персонала Бау и обратно<sup>1</sup>, факт, уже отмечавшийся выше. В течение 6-го года в связи с военными действиями сократилась численность всех трех групп. Более всего (почти в полтора раза) сократилось число игинуду, что должно быть поставлено в связь с их участием в той или иной форме в военных действиях или же с переводом их на другую работу в замену людей, взятых на войну. Сокращение численности игинуду происходило при этом не путем исключения отдельных игинуду, но в результате отчисления целых партий: из восьми партий игинуду, значившихся в списках еще в начале 6-го года, в документе последнего месяца того же года осталось только четыре<sup>2</sup>.

Посмотрим теперь, как велико было общее число людей, составлявших хозяйственный персонал храма Бау. Слагая данные отдельных списков за второй год (год, когда численность персонала Бау достигало наивысшей цифры), мы получаем: 260 «людей кормления»+208 игинуду и получающих по отдельным табличкам+233 рабынь и детей=701. Приблизительно такую же, но несколько большую цифру дает документ (от того же года) о выдаче шерсти всем людям храма Бау без разделения на группы, именно 763 человек<sup>3</sup>. Штат, обслуживавший детей царицы, насчитывал до 80 человек (54 мужчины и 26 женщин)<sup>4</sup>.

Хотя документы о выдаче довольствия и охватывали основные кадры хозяйственного персонала Бау, все же не все люди, «принадлежавшие Бау», вошли в списки этих документов. Так, в эти документы вошла лишь часть принадлежавших Бау рыбаков. Имеются специальные документы о выдаче зернового довольствия «рыбакам моря» (*šu-ḥa-a ab-ba*) за 4-й год Урукагины (в 1-й и в 4-й раз) в числе 44—42 человек<sup>5</sup>. Не меньше было число пресноводных рыбаков<sup>6</sup>. К этому надо добавить еще многочисленных судовщиков и матросов, судостроительных рабочих и пр.

<sup>1</sup> См выше, стр. 19, прим. 3.

<sup>2</sup> Объяснять сокращение численности игинуду фактом их предполагаемого бегства (В. Струве, Проблема..., стр. 51) у нас нет оснований. С одной стороны, положение игинуду не было, как показано выше, хуже остального персонала Бау; с другой стороны, из списков игинуду исключались, как видим, не отдельные игинуду, но целые партии их с начальниками во главе.

<sup>3</sup> DP, 117.

<sup>4</sup> DP, № 117.

<sup>5</sup> TSA, № 19; STH, № 29; ср. № 28. Названные в этих документах имена не повторяются в общих списках.

<sup>6</sup> В одном документе, содержащем список морских и пресноводных рыбаков (TSA, № 47), даны меньшие цифры (20 морских и 23 пресноводных рыбака). Документ помечен 4-м годом без указания имени правителя. Поскольку в нем отсутствует обычное для документов Бау окончание, можно думать, что он относится еще ко времени предшественника Урукагины Лугальанды, чем, вероятно, и объясняется указанное в нем меньшее число рыбаков.

Общая численность всех этих людей достигала 200, а может быть, и более<sup>1</sup>. Возможно, были и еще люди Бау, не вошедшие в известные документы<sup>2</sup>.

Сопоставляя все эти данные, мы приходим к заключению, что непосредственный персонал, обслуживавший двор царицы и царских детей, составлял не менее 1000 человек<sup>3</sup>. Во время военных действий храм Бау, по данным рассмотренных нами документов, поставлял не менее 360 человек<sup>4</sup>. Сюда следует еще добавить игинуду и, быть может, других не вошедших в списки<sup>5</sup>.

Хозяйство храма Бау располагало, таким образом, многочисленным собственным персоналом. Однако и этого персонала не всегда оказывалось достаточно. В экстренных случаях, когда собственной рабочей силы храма не хватало, храмовая администрация прибегала к приглашению людей других храмов, выплачивая им хлебом и другими продуктами из расчета проработанных дней. Мы имеем, например, документ о привлечении для каких-то, повидимому, строительных, работ *šub-lugal* и *din* (строителей) храмов Нингирсу и Эпарпар (DP, № 123). В другом случае в работах по сбору урожая наряду с людьми Бау участвуют также люди храмов богов Дуншагга, Галь Алима и др. (DP, № 564).

Рассмотренное нами хозяйство Бау занимало относительно скромное место в хозяйстве всей области Лагаша. Помимо него, в Лагаше существовало еще до 20 других храмовых коллективов, и прежде всего хозяйство бога Нингирсу, возглавлявшееся самим Урукагиной и обслуживавшее не только двор царя, но и три крупнейших посвященных Нингирсу храма: Энинну, Антасурра, Эгишпура и дворец Тирааш<sup>6</sup>. Но и среди остальных храмовых хозяйств были более крупные, как, например, хозяйства храмов богов Думузи, Нинмарки, богини Нанше.

Если мы не располагаем данными о внутренней организации этих хозяйств (о чем можно делать заключения лишь по аналогии с хозяйством Бау), то о размерах их на основании некоторых случайных данных можно составить хотя бы приблизительное представление. От года патесиата Урукагины сохранилась запись общего количества зерна (682 гур 140 ка), выданного шублугалям Нингирсу в 4-й раз (Никольский, № 38). Исходя из обычной нормы шублугалей в 120 ка, можно определить число шублугалей Нингирсу в 1365 человек (682  $\frac{1}{2}$ :  $\frac{1}{2}$ ) или даже несколько больше, так как в числе шублугалей были и получавшие зерно по низшей

<sup>1</sup> В архиве Бау сохранились два документа о выдаче хлебов судовщикам, судостроительным рабочим, рыбакам (Никольский, №№ 12 и 306). Документы сильно фрагментированы. В сохранившейся части значится от 150 до 200 человек. Конец документа не сохранился, нет поэтому ни итоговых чисел, ни обычного указания на принадлежность людей богине Бау. Значительность чисел этого документа послужила основанием сомневаться в принадлежности этих людей Бау (В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 42, прим. 236). Однако указанное здесь число рыбаков (31) в общем соответствует данным других документов.

<sup>2</sup> Имеется еще два документа, содержащих распоряжение царицы Шаг-Шаг о выдаче хлебов большому числу жрецов-гала, плакальщикам—*dam-ab-ba* и *gin* за службу при могиле Барнамтарры (TSA, № 9; F ö r t s c h. № 137 (цит. по A. D e i t h e l, ST, стр. 130). В одном документе речь идет о 72 гала, 70 плакальщиках и 148 рабынях (в том числе 112 рабынь Нингирсу и 36 Бау), во втором—о 92 гала, 49 плакальщиках и 177 рабынях. В обоих случаях мы имеем дело, однако, повидимому, не с постоянным персоналом при могиле Барнамтарры, но с жрецами и плакальщиками, специально приглашенными, вероятно, в связи с погребением Барнамтарры и дважды получавшими определенные нормы хлеба.

<sup>3</sup> Деймель (назв. соч., стр. 78) определяет *Betriebspersonal* храма Бау в 1200 человек.

<sup>4</sup> Никольский, № 3—184 чел. и DP, № 135—177 человек

<sup>5</sup> Деймель (назв. соч., стр. 112—113) предполагает общее число выставленных храмом Бау воинов равным 500—600 человек.

<sup>6</sup> T h u r e a u - D a n g i n, Die sum. u. akk. Königsinschriften, стр. 42 и др.

норме. Достаточно сопоставить это число с числом шублугалей храма Бау в этом же году—36 (только в следующие годы число шублугалей Бау возросло до 75—80 человек), чтобы видеть, насколько несоизмеримы были оба эти хозяйства. Поскольку в документе речь идет именно о шублугалях, мы должны рассматривать их прежде всего как рабочую силу, но не как воинов (для обозначения людей, включенных в военные отряды, применялись, как мы видели, совсем другие термины). Другой документ (DP, № 123) содержит данные относительно храмов Нинмарки и Эпарпар. В этом документе указывается вознаграждение за работу, выполненную для храма Бау шублугалями и строителями (*dim*) обоих этих храмов, причем даны числа тех и других, именно 44 шублугаля и 7 строителей храма Нинмарки и 25 шублугалей и 5 строителей храма Эпарпар. Возможно, что не все шублугали названных храмов были заняты на этих работах.

Далее, в одном документе о выдаче хлебов и напитков жрецам-гала и *gim* различных местечек по случаю какого-то праздника названы числа рабынь нескольких храмов, именно 104 рабыни и 51 детей богини Нанше, 10 гим и 3 детей Ниндар, 16 и 7 Думузи, 14 и 7 Нинмарки (DP, № 159). Документ этот относится к 5-му году Урукагины, когда число рабынь в хозяйстве Бау равнялось 128, а число детей при них—60. Таким образом, мы видим, что некоторые храмы, как, например, храм богини Нанше по числу рабынь немного лишь уступал хозяйству храма Бау (Шаг-Шаг). Относительно остальных храмов мы не знаем, все ли принадлежавшие им рабыни—гим участвовали в получении хлеба в данном случае.

Наконец, мы имеем еще документ о выдаче довольствия персоналу храма бога Галь Алим (Никольский, № 18). Общее число людей Галь Алим определяется цифрой 61 (60?), из них 25 женщин. Из известных нам категорий мы находим здесь игинуду и дуатар (15 чел.), людей, «получающих по особым табличкам» (18 м. и 5 ж.), 15 женщин, занятых обработкой шерсти, и еще 3 женщины других профессий, при них 5 детей (эта последняя группа женщин соответствовала категории *gim dumu* списков Бау). В списке людей бога Галь Алим отсутствуют шублугали, представлявшие основную рабочую силу, и ремесленники; поэтому есть основание думать, что этот список не охватывает всех людей Галь Алим. Следует также иметь в виду, что документ этот относится к 1-му году Урукагины, когда и персонал храма Бау был относительно меньше, чем в дальнейшем.

Исходя из приведенных данных, из факта многочисленности храмовых хозяйств, с одной стороны, и из того факта, что численность персонала некоторых из этих хозяйств лишь немного уступала численности персонала храма Бау, а численность персонала хозяйства Нингирсу во много раз превосходила ее, с другой,—мы можем предположительно определить количество населения, вовлеченного в храмовые хозяйства, не менее 10—15 тысяч человек (а возможно, и более). Если принять общее количество населения Лагаша, согласно данным надписей Урукагины, в 36 000 человек, это составит 30—40%. Следует заметить, что и остальное, не входившее непосредственно в патесиальное хозяйство, население также должно было принимать участие в общегосударственном хозяйстве, выполняя в порядке принудительной повинности канализационные и различные строительные работы (по сооружению храмов, дворцов, городских стен).

